

Глава 14

Во имя Великого вана

После того как Сяо Жун спустился с городской стены, он под конвоем стражников благополучно вернулся во дворец.

Узнав, что гость из Линьчуаня поселился в личных покоях государя, воины преисполнились к нему невольного почтения. Выходит, перед ними — тот самый окутанный слухами господин Сяо? И впрямь дохляк, как и поговаривали: кажется, дунешь — и развалится. Однако ж, обладая столь щедушным телом, он удостоился тех же милостей, что и канцлер Гао. Похоже, Великий ван к нему весьма благоволит... Впрочем, нрав их господина был столь непредсказуем, что загадывать наперёд никто не решался.

На следующее утро Сяо Жун добавил несколько штрихов в свои путевые заметки, озаглавленные «Краткое жизнеописание Цюй Юньме», и неспешно вышел из покоев в поисках собеседника.

Его целью был Гао Сюньчжи, но канцлера на месте не оказалось. Слуги шепнули, что тот отправился к государю обсуждать военные дела.

Несмотря на то что Сяо Жун благодаря паре коварных советов сумел привлечь внимание Цюй Юньме, его положение во дворце оставалось шатким. Его слово весило меньше, чем у канцлера Гао, и даже в сравнении с Юй Шаосе, который провел здесь восемь месяцев и верой и правдой служил общему делу, юноша проигрывал. Во дворце, где к правилам этикета относились довольно просто, Юй Шаосе были открыты все двери, тогда как Сяо Жуна стопорил караул, стоило ему отойти чуть дальше привычного маршрута.

Не желая прослыть наглецом, юноша принялся прохаживаться перед залом, ожидая, когда советники закончат аудиенцию.

Дворцовый комплекс делился на три части. В центральном зале обитал Великий ван, а поскольку законной супруги у него не было, Цюй Юньме единолично владел этой территорией. В левом крыле располагались покои Гао Сюньчжи, самого Сяо Жуна и дежурных гвардейцев; там же изредка останавливались на ночлег генералы.

Правое крыло, согласно обычаю, предназначалось для наложниц. Но за все дни пребывания здесь юноша так и не выяснил, обзавелся ли Цюй Юньме гаремом.

Женат он точно не был — об этом чётко говорили исторические хроники. Столь значимая фигура, четыре года вершившая судьбы Поднебесной, не могла бы скрыть наличие законной

жены. А вот наложницы... это вопрос открытый. Древние мужи редко ограничивались одной женщиной, но если наложница не отличалась небесной красотой или не приложила руку к какому-нибудь дворцовому перевороту, историки редко тратили на неё тушь и бумагу.

Сяо Жун замер у вторых дворцовых ворот, вытягивая шею и с любопытством поглядывая на боковой вход в правое крыло.

Из-за того, что в истории личная жизнь Цюй Юньме была сплошным белым пятном, он в своё время стал излюбленным героем исторических любовных романов. Бесчисленные девы-попаданки, словно мотыльки на огонь, летели спасать его суровую душу, сходя по нему с ума и разбивая лбы о каменные стены его равнодушия...

«А я-то сейчас чем занимаюсь? — лицо Сяо Жуна внезапно омрачилось. — Разве не тем же самым, что и эти героини?!»

Интерес к гарему Великого вана мгновенно испарился. Юноша уже собрался уходить, но, резко развернувшись, едва не столкнулся с женщиной в доспехах.

Незнакомец по возрасту был ровесником Цзянь Цяо, да и облачён примерно так же, разве что ростом повыше. Черты его лица казались тонкими и благородными — вылитый книжник со свитком в руках, если бы не генеральская форма.

Мужчина явно собирался пройти мимо незамеченным, но, увидев, что Сяо Жун внезапно обернулся, замер в лёгком замешательстве.

— Господин Сяо, я — Юань Байфу, — он быстро оправился и вежливо сложил руки в приветствии. — Давно мечтал познакомиться с вами.

Сяо Жун не шелохнулся. Он лишь захлопал ресницами, во все глаза уставившись на собеседника.

По чину тот стоял куда выше юноши. Сяо Жун хоть и числился советником, никакой официальной должности пока не получил, в то время как он командоваллевой армией — самой многочисленной из всех четырёх корпусов. Он поприветствовал Сяо Жуна первым лишь из врождённой вежливости, а вовсе не из-за разницы в статусе.

Заметив, что юноша безмолвствует, генерал не стал покорно ждать ответа, а выпрямился, с лёгким недоумением поглядывая на странного собеседника.

Вдруг Сяо Жун расцвёл в ослепительной улыбке. Даже с Великим ваном он не бывал столь радушен.

— Генерал Юань слишком скромн! Я лишь простой учёный без чина, тогда как ваше славное

имя вместе с именем Великого вана гремит по всему Чжунъюаню!

— Господин преувеличивает мои заслуги, — Юань Байфу в ответ лишь вежливо улыбнулся. — Где мне тягаться с государем. Что ж, меня ждёт аудиенция, так что я...

Сяо Жун мгновенно всё понял и сделал приглашающий жест:

— Прощу, не смею задерживать. Не заставляйте Великого вана ждать.

Перед тем как уйти, Юань Байфу ещё раз отвесил поклон и поспешил в зал. Сделав несколько шагов, он не удержался и обернулся.

Юноша, хрупкий и изящный, прислонился к дворцовым воротам и снова одарил его широкой улыбкой.

То ли Сяо Жуну показалось, то ли на самом деле, но после этого Юань Байфу зашагал ещё быстрее.

Вскоре после того, как генерал скрылся внутри, из зала вышел Гао Сюньчжи. Увидев поджидавшего его юношу, он тоже расплылся в крайне приветливой улыбке.

«Кажется, теперь я понимаю, что чувствовал генерал Юань»

Сяо Жун изложил суть дела. Узнав, что оно важное, канцлер пригласил его в кабинет для совещаний.

Усевшись друг напротив друга, Сяо Жун первым делом повинился:

— Канцлер, вы вчера наставляли меня быть осторожнее, но я так опасался, что Великий ван совершит оплошность на горячую голову, что всё же решился на встречу с ним.

— Государь не обошёлся с тобой сурово? — Гао Сюньчжи вздохнул и не удержался от вопроса.

— Нет. Но та ненависть, которую он питает к сяньби и этому Ли Сюэхэну, внушает мне серьёзные опасения.

— Тут уж ничего не попишешь, — канцлер лишь горько усмехнулся. — Вы, господин, в округе Яньмэнь человек новый и не знаете всего прошлого Армии Чжэньбэй. К счастью, Ли Сюэхэн сейчас не более чем жалкий шут, да и сяньби доживают свои последние дни. Грядущей

осенью, когда Великий ван сокрушит племя Мужун и отомстит за кровь предков, ему наверняка станет легче.

Сяо Жун был в корне не согласен:

— Станет ли? Сяньби — лишь рука, нанёсшая удар, но направил её императорский двор. Император Гуанцзя уже подох, но его потомки всё так же восседают на троне, кормя орды дармоедов подле себя. Вы знаете нрав Великого вана лучше моего. Неужели он сможет спокойно смотреть, как южане каждую ночь пируют и поют песни, и при этом сидеть сложа руки?

Гао Сюньчжи замолчал. Он с некоторым сомнением взглянул на юношу:

— К чему ты клонишь?

— Срубленное дерево пускает побеги, пока жив корень. К тому же, когда династия Юн бежала на юг, она прибрала к рукам всё золото и все сокровища. Южная Юн богата и имеет огромную поддержку. Когда Великий ван наконец обратит на них взор, окажется, что они следят за ним уже очень давно. Ли Сюхэн примкнул к учению Чистого Ветра, а те сговорились с сяньби. По отдельности они — ничтожество и интриган, но первый подбивает на измену видных воинов Армии Чжэньбэй, а вторые мастерски управляют людскими умами. Слышали ли вы, канцлер, какую песенку поют дети в округе Яньмэнь? «Знамя Чию над севером реет, а милость Звезды Года — на востоке».

Тот замер. Он вернулся из похода позже Цзянь Цяо, и если генерал не слышал об этом, то канцлер и подавно. Судя по его лицу, Цзянь Цяо не счёл нужным докладывать об этой детской забаве — то ли не придал значения, то ли не захотел лишний раз злить государя.

Однако Гао Сюньчжи был человеком образованным и мгновенно осознал всю опасность.

— Это... это люди из Чистого Ветра распускают слухи?! — в гневе воскликнул он.

Сяо Жун лишь вскинул брови:

— Кто знает. Может, они, а может, и нет. В тот день, когда Знамя Чию явилось в небесах, я был на пути в Пиньян. Нигде по дороге я не слышал ничего подобного. Даже в шумном Пиньяне, который совсем рядом, тишина. Зато в округе Яньмэнь дети всюду расппевают эти строки. Вдумайтесь в последнюю фразу: «на востоке». Это спето специально для Армии Чжэньбэй. Зачем бы чужакам уточнять местоположение милости неба, если не для того, чтобы сбить с толку местных?

Иными словами, родина этой песенки — самое сердце земель Чжэньбэй. Враги не стали ждать, пока слух сам расползется по стране, а через своих лазутчиков вонзили этот клинок прямо в

грудь северной армии.

Собеседник кипел от ярости. Первым делом он заподозрил сектантов — те обожали дурить народ всякой мистикой. Но под пристальным взглядом Сяо Жуна он начал остывать.

Да, первая часть песни порочила репутацию Великого вана, называя его «Знаменем Чию» — вестником беды. Но вторая часть была куда коварнее. Стоило людям поверить в дурное предзнаменование и испугаться за свою жизнь, как их взор сам собой обращался на восток — туда, где сияет Звезда Года.

Если комета Чию — это проклятие, то Суйсин, Звезда Года, — символ благодати. Почти каждый основатель новой династии твердил, что его воцарение предсказано явлением этой звезды. А нынешняя столица Южной Юн, Цзиньлин, как раз находится на востоке.

Неужели это дело рук южан? Гао Сюньчжи не был уверен. Неужто дядя императора, Сунь Жэньлуань, решил окончательно избавиться от марионеток из клана Хэ и самолично взойти на престол?

Пока канцлер тонул в своих размышлениях, Сяо Жун с интересом принялся изучать узоры на напольной плитке.

Тот не выдержал и горько усмехнулся:

— Раз уж ты заговорил об этом, значит, у тебя есть решение. Прошу, не томи! Ждать нельзя — если этот стишок разлетится по округе, репутация государя будет растоптана! Ты ведь знаешь, чьих это рук дело?

Сяо Жун поднял взгляд и невинно хлопнул глазами:

— Понятия не имею.

Гао Сюньчжи едва не поперхнулся воздухом. Юноша поудобнее устроился на стуле и медленно вздохнул:

— Впрочем, знание виновного мало что даст. Комета действительно явилась, и явилась именно на севере. Даже если мы под страхом смерти запретим петь эту песенку, мы не сможем запретить людям думать.

Сердце канцлера упало. Неужели само небо решило, что Армии Чжэньбэй не суждено возвыситься?

Заметив его похоронный вид, Сяо Жун негромко произнес:

— Положение и впрямь непростое, но выход есть всегда.

Тот уставился на него, боясь вздохнуть. Юноша тонко улыбнулся:

— Если недруги используют Знамя Чию против нас, почему бы нам не обернуть его против них? Комета предвещает войну и гибель полководцев. Но кто сказал, что беда падёт на плечи Армии Чжэньбэй? Почему бы ей не обрушиться на сяньби и клан Мужун? Если уж говорить о севере, то кто севернее самих сяньби?

— Верно! В точку! — лицо Гао Сюньчжи прояснилось. — Так значит, беда миновала?

— Этого недостаточно, — улыбка Сяо Жуна мгновенно погасла.

— Как... недостаточно?

— Память у простого люда коротка. Сегодня они верят одному, завтра — другому. Пока не случится нечто по-настоящему грандиозное, все эти толки лишь сотрясение воздуха. К тому же народ к северу от реки Хуай и так принадлежит Великому вану, за их умы бороться не нужно. Нам нужны те, кто живёт под властью Южной Юн. И для них, сокрушим мы сяньби или нет, мы всё равно останемся «проклятым севером».

Тот замер. Наконец-то он начал понимать, ради чего Сяо Жун затеял этот разговор. Он осторожно взглянул на юношу, на его невозмутимое лицо, и внезапно ощутил острое желание сменить тему. Но долг перед Армией Чжэньбэй пересилил страх.

— Господин Сяо, вы хотите сказать... — сглотнув, канцлер спросил.

Юноша кивнул:

— Нужно переносить столицу. Мы должны сменить место. Найти город, открытый всем путям, удобный для развития, и вовсе не обязательно на востоке. С одной стороны, это разрушит астральное проклятие, с другой — поможет привлечь таланты, простых людей и создать правильный образ правителя. Я знаю, как Великий ван дорожит округом Яньмэнь, но перенос столицы — дело неотложное. Если вы, канцлер, поможете мне убедить государя, я даю вам слово: в течение года я привлеку на его службу тысячу истинно учёных мужей. И сделаю так, что, придя однажды, они уже не захотят уходить.

Гао Сюньчжи в потрясении уставился на Сяо Жуна. Тысячу?! Да во всём правительстве Южной Юн вряд ли наберётся столько достойных людей! Ему хотелось не поверить в это бахвальство, но он вспомнил: этот юноша владеет искусством предсказания. Он предугадал коварство сяньби... А вдруг и здесь он не лжёт?

Тот прижал руку к сердцу, вспомнив упрямый нрав Цюй Юньме, и неуверенно пробормотал:

— Я... я попробую...

Сяо Жун внезапно схватил канцлера за руки и твёрдо посмотрел ему в глаза:

— Не попробую. Вы должны приложить все силы! Канцлер, мы ведь оба стараемся во имя Великого вана!

Увидев этот пламенный блеск в глазах юноши, Гао Сюньчжи не смог сдержать ответного порыва:

— Вы правы! Всё во имя Великого вана!

Ночью канцлер Гао никак не мог уснуть. Он поднялся с постели, чтобы ещё раз изучить план захвата власти, переданный ему Сяо Жуном.

Раскрыв свиток, он обнаружил, что на каждой странице неровным почерком выведено: «Во имя Великого вана». Ворочаясь с боку на бок, он читал эти записи до глубокой ночи, пока в какой-то момент не сумел разглядеть истинный смысл между строк.

Оказалось, что весь свиток от начала и до конца кричал об одном: «К чёрту Великого вана, я просто хочу выжить!»

<http://bllate.org/book/15355/1416949>